Н. П. Евдокимова

ПРОСВЕТЫ И ТУПИКИ ВО ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ 1920-Х ГОДОВ: ТУАРИ. 17 СЕНТЯБРЯ 1926 ГОДА

Беседа министров иностранных дел Франции и Германии, А. Бриана и Г. Штреземана, состоявшаяся 17 сентября 1926 г. в Туари, стала заметным событием в отношениях двух стран. Она обросла легендами и домыслами об излишней уступчивости А. Бриана и возможности для Германии освободиться от пут Версальского мира. Детективный элемент, покров тайны, сопровождавшие организацию встречи двух министров, отсутствие достоверных сведений о сути беседы лишь давали основания для толков и пересудов политиков и журналистов, как и для избыточных надежд на изменение характера франко-германских отношений.

Многое не удовлетворяло немцев в этих отношениях. Почти год прошел со времени окончания Локарнской конференции, которая, как надеялись германские политики, откроет путь к широкому пересмотру Версальского договора, а из обширной внешнеполитической программы, изложенной во время конференции Г. Штреземаном, удалось добиться, да и то с большим запозданием, лишь эвакуации зоны Кёльна, отсроченной в январе 1925 г. из-за обнаруженных нарушений Германией военных статей мирного договора: затягивались не без влияния Франции переговоры об упразднении контроля за разоружением Германии; противилась Франция не только досрочной эвакуации остававшихся оккупированными зон Рейнской области, но и существенному сокращению оккупационных войск в них. Нетерпение немцев было тем сильнее, что они в решении многих вопросов не без оснований рассчитывали на благожелательное отношение Великобритании, на поддержку О. Чемберлена. Нужно было сломить сопротивление Франции.

Чтобы прозондировать пути к соглашению с Францией, Г. Штреземан еще в Локарно сделал предложение А. Бриану о личной встрече[1]. Известно, что личный секретарь и биограф немецкого министра А. Валлентин

© Евдокимова Н. П., 2013

характеризовала его как мастера использовать метод частных бесед, персональных контактов с людьми[2]. Возможно, в желании побеседовать с Брианом tête-à-tête сыграло роль и впечатление, произведенное им на Штреземана, которого Бриан поразил тем, что более был похож не на политического деятеля, а на человека богемы, с которым легче вести переговоры в неофициальной обстановке. Суть программы предлагаемой Штреземаном беседы состояла в следующем. Со времени восстановления в 1924 г. марки и финансового оздоровления Германии, осуществленного с помощью американского капитала, Г. Штреземан и его финансовый коллега Я. Шахт, как пишет биограф А. Бриана Ж. Онже, задумали план: в обмен на финансовую помощь, которая позволила бы Франции стабилизировать франк, запросить упразднения союзнического контроля за разоружением Германии, досрочно освободить Рейнскую область и без плебисцита, предусмотренного Версальским мирным договором, восстановить Саар. Аналогичным был и план в отношении Бельгии: стабилизировать бельгийский франк в обмен на возвращение Германии Эйпена и Мальмеди[3]. В июле 1926 г. германо-бельгийское соглашение по этому вопросу было готово к подписанию. Но окончательное соглашение должно было быть одобрено странами, подписавшими мирный договор.

Бриан, по-видимому, предложения не отклонил, хотя и не проявил вначале особого интереса к нему. Во время беседы с Г. Штреземаном, состоявшейся в январе 1926 г., пресс-секретарь французского посольства в Берлине профессор О. Эснар, пользовавшийся особым доверием Бриана и расположением немецкого министра[4], малоубедительно уверял последнего в том, что во время подписания Локарнских соглашений, 1 декабря 1925 г., беседа не состоялась из-за чрезмерной занятости министров[5].

Однако вскоре отношение Бриана к этому предложению изменилось. 4 февраля 1926 г. между французским послом в Берлине П. де Маржери и Г. Штреземаном состоялся разговор по поводу предполагаемой встречи министров: в качестве «наиболее благоприятного момента» для беседы посол назвал время приема Германии в Лигу наций, то есть март 1926 г. Штреземан сразу же отверг Париж как место встречи, отметив, что «предпочел бы встретиться с Брианом в каком-нибудь небольшом городке», поскольку, как говорил немецкий министр, он «боится парижской прессы, которой нужно было бы сообщить все, о чем шла речь, чтобы избежать риска увидеть в публикации самые фантастические новости, которые потом нужно было бы опровергать»[6]. Де Маржери с этим согласился.

Однако поиски места встречи были преждевременными: в марте 1926 г. прием Германии в Лигу наций был отложен до сентябрьской сессии, поскольку возникли споры о расширении состава Совета Лиги наций.

Франция и Англия настаивали на вступлении Германии в Лигу наций в качестве непременного условия подписания Локарнских соглашений. Германия согласилась на это условие, но потребовала предоставить ей постоянное место в Совете этой международной организации. Однако Франция и в меньшей степени Англия сразу же стали размышлять о том, как уменьшить значение факта присутствия Германии в Совете Лиги. В качестве противовеса Германии Франция на постоянное место в Совете выдвинула кандидатуру Польши, члена Лиги с момента ее создания. Как писала газета «Temps», «было бы вопиющей несправедливостью, если бы Германия в вопросах, стоящих между нею и Польшей, могла действовать в Совете, тогда как Польша не могла бы подать своего голоса в тех же условиях и при тех же гарантиях»[7]. Тут же еще два члена Лиги со времени ее основания – Испания и Бразилия – также потребовали предоставить им постоянные места в Совете Лиги. Расширение состава Совета Лиги неизбежно должно было снизить эффект от приема Германии в Лигу и эффективность ее пребывания в Совете. Но, еще готовясь к столь важному шагу, как вступление в Лигу наций, Вильгельмштрассе разработал «Меморандум», в котором говорилось: «Ценность нашей (т.е. Германии. – Н.Е.) принадлежности к Совету Лиги наций определяется узкими рамками его. Дальнейшему увеличению числа мест в Совете следует поэтому противиться»[8]. Германия активно противилась расширению состава Совета Лиги. А. Бриан защищал право Польши на постоянное место в Совете. Выступая в Палате депутатов, он заявил: «Я высказался бы за предоставление Польше постоянного места в Совете, даже если бы я был представителем Германии». Бриан возражал против обвинений его в «макиавеллизме и нелояльности» по отношению к Германии и против того, что «вступление Германии в Совет должно быть сенсационным и исключительным, без единой мысли о других нациях», также претендующих на мандат члена Совета Лиги наций[9].

К началу мартовской сессии Ассамблеи Лиги наций все эти проблемы не были решены. О личной встрече и переговорах Бриана и Штреземана не могло быть и речи. Бриан занимался поисками выхода из тупика, добиваясь предоставления постоянного места в Совете одновременно с Германией и Польше, а Штреземан старался помешать этому.

Но и эта занятость международными проблемами не отодвинула озабоченности премьер-министра Бриана внутренними трудностями, переживаемыми Францией. Страна жила в атмосфере финансового кризиса. Палата депутатов отвергала один за другим проекты стабилизации франка, разрабатываемые правительствами Левого Картеля, что служило причиной падения правительств Картеля. В этих условиях и возникла идея привлечь Германию к оздоровлению франка. А. Бриан обратился к немецкому министру с просьбой ускорить выплату репараций путем мобилизации промышленных облигаций и досрочно выкупить Саар[10]. Штреземан в своих дневниках отметил, что это предложение было для него неожиданностью. Но был ли Штреземан искренен в этих записях? Возможно, его не удовлетворяло отсутствие указаний на «плату» за эту финансовую помощь Франции? Не испытывая особого удовольствия от перспективы свести эвентуальные переговоры к экономическим проблемам, он предложил Бриану повременить с обсуждением этого вопроса[11]. Но ждать Франция не могла: помимо внутренних финансовых проблем остро встал вопрос о необходимости ратификации соглашений с Англией и США о военных долгах. Финансовая сделка с Германией, по мнению близких Бриану политических кругов, могла оказаться полезной. Так, министр финансов в правительстве Бриана Ж. Кайо говорил американскому банкиру Эберстадту: «Если бы Германия взяла на себя долги, о которых мы заключили соглашение с нашими “дорогими” союзниками, я был бы очень доволен»[12]. Эберстадт передал содержание этого разговора Штреземану. На вопрос последнего о встречных уступках Франции американец передал мнение Кайо о «возможности решить проблему Саара» и о том, что «продолжение оккупации для него не представляет никакого интереса»[13]. Обмен мнениями по этому вопросу продолжался. И не прервался даже после того, как 27 июля 1926 г. к власти вернулся Р. Пуанкаре, сменивший А. Бриана на посту премьер-министра.

Стремление Франции использовать помощь Германии в поправке своих финансовых дел, а также и приближение сентябрьской сессии Ассамблеи Лиги Наций, где Германия должна была стать членом этой организации, побудили Штреземана сформулировать программу возможных франко-германских переговоров. 5 августа из города-курорта Вильдунгена, где он отдыхал, Штреземан через профессора Эснара направил Бриану письмо с перечнем вопросов, решение которых ему «представлялось срочным». Прежде всего, он просил пересмотреть ранее принятое союзниками решение о сокращении на 3 тысячи человек численности оккупа-

ционных войск в Рейнской области, увеличив эвакуируемый контингент до 10 тысяч. Более того, он вообще ставил под сомнение необходимость продолжать оккупацию. Он пишет Бриану, что, по его мнению, «соглашение Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга в тяжелой промышленности... сделает еще более непонятным продолжение оккупации». Далее он старался приуменьшить роль и влияние очень беспокоивших Францию националистических лиг, отрицал, что этим организациям присущ реваншистский дух. Он настаивал на том, чтобы Франция и Англия «уже во время сессии Лиги наций» поддержали германо-бельгийское соглашение о возвращении Эйпена и Мальмеди Германии, причем придавал большое значение поддержке Бриана. И, наконец, выражая готовность Германии принять участие в урегулировании французских финансовых проблем мобилизацией облигаций, Штреземан заметил, что «Германия, естественно, не может проявить инициативу в этом вопросе»[14].

На это послание Штреземана Бриан ответил личным письмом поверенному в делах Франции в Берлине Лабуле, который и передал его содержание Штреземану в беседе, состоявшейся 22 августа. Нельзя не согласиться с мнением французского историка Ж. Сюареза, что достаточно перечесть страницы дневника Штреземана с описанием обмена мнениями в канун Туари, чтобы убедиться, «что Бриан не так легко уступал немцам, как это представляют его противники»[15]. Об этом свидетельствует и раздражение, вызванное у Штреземана ответом французского министра, ибо удовлетворительным (да и то относительно!) был ответ Бриана лишь по поводу Рейнской области: Бриан сообщил о решении союзников – Англии, Франции и Бельгии – вывести не три, как предполагалось раньше, а шесть тысяч человек оккупационных войск и о сокращении на 22% числа реквизированных оккупационными властями квартир[16].

Недовольство Штреземана вызвала позиция Бриана по вопросу о националистических союзах и об экономических отношениях между Францией и Германией. Бриан, как и следовало ожидать, не принял объяснений Штреземана относительно военных и полувоенных союзов, подчеркнув, что беспокоит Францию то обстоятельство, что «эти организации, представляющие миллионы человек, в нужный (для Германии) момент могут усилить рейхсвер». Когда Лабуле передал мысли Бриана по этому поводу, Штреземан назвал опасения Бриана и французские телеграммы германскому правительству о военных союзах «настоящими произведениями Пуанкаре 1923 года» и «воскрешением старых историй» в момент, когда Германия готовится вступить в Лигу наций[17]. Когда же Лабуле далее

сообщил, что Бриан не понимает, «в чем продолжение оккупации мешает подъему немецкой промышленности», то Штреземан вновь стал взывать «к духу примирения»: «Некогда, − говорил он, − рейнских промышленников представляли сторонниками идеи реванша… Теперь эти круги стремятся к широкому соглашению с Францией…Почему же Франция придает еще такое значение оккупации? Продолжение оккупации наносит ущерб франко-германским отношениям в целом»[18].

«Согласие Германии» на мобилизацию облигаций Бриан приветствовал, но, как и Штреземан, он не хотел, чтобы инициатива исходила от французского правительства, так как «тогда речь шла бы об изменении в выполнении плана Дауэса»[19]. Сложность вопроса об инициативе была в следующем. Когда Бриан думал об инициативе с ускорением выплаты репараций с германской стороны по плану Дауэса, не вспоминал ли он опыт Франции 1873 г., досрочно расплатившейся с пятимиллиардной контрибуцией пруссакам? Официальное же обращение правительства Франции с подобным предложением к Германии дало бы основания последней требовать ревизии принятого в 1924 г. плана Дауэса. Это несомненно понимал и Штреземан, и его, конечно, раздражало стремление Бриана навязать инициативу Германии, как и его желание приписать Германии идею участия в оздоровлении французской валюты. И не отклоняя в принципе этого участия, Штреземан хотел получить за него наивысшую цену. «Лично я мог бы только одобрить изменение условий платежей, если бы за этим следовали политические уступки», − говорил он Лабуле 22 августа. Ускорению выплаты репараций, продолжал немецкий министр, должны сопутствовать «компенсации политического порядка». И в качестве одного из главных политических требований Штреземан выдвигает требование эвакуации Рейнской области[20]. Идея, наконец, Штреземаном была высказана.

Интерес представляет окончание письма Бриана: просьба к немецкому коллеге «оставаться в рамках возможного, чтобы слишком быстрое нарастание германских требований не смутило отношений (между Францией и Германией)»[21]. Что это замечание не случайно, говорит тот факт, что Эснар, еще 7 августа сообщая Штреземану о первом впечатлении от беседы с Брианом по поводу программы, представленной немцем в письме из Вильдунгена от 5 августа, пишет: «Картина несколько сложнее, чем вы предполагали… Необходимы осторожность и усердие (в выяснении и уточнении некоторых пунктов. – *Н.Е.*)»[22]. К необходимости «действовать с большой осторожностью» призывала в это время и газета “Le Temps”[23].

Так уже к 22 августа определилось направление переговоров – взаимосвязь экономических и политических проблем, определились позиции обоих министров, отличавшиеся противоречиями по всем спорным вопросам. Не случайно, предвидя трудности, Штреземан настойчиво добивался свидания с Брианом наедине, когда можно создать психологический климат доверительности.

8 сентября 1926 г. Германия стала членом Лиги наций. Неделю, предшествующую Туари, Женева жила в ожидании встречи А. Бриана и Г. Штреземана. В прессе высказывались разные соображения по поводу проблематики переговоров. Бриан в заявлениях прессе замечал, что с Штреземаном он будет говорить о франко-германских отношениях, «вытекающих из последних событий» и напоминал, что все разговоры «будут основаны на существующих договорах»[24]. Время – четверг, 17 сентября, и место – Туари назывались только в официальных секретных документах. Журналистам оставалось заключать пари о том, что они смогут проникнуть в эту тайну.

Немцы к беседе готовились основательно. Еще утром 17 сентября делегация, прибывшая в Женеву, в течение почти двух часов занималась обсуждением вопросов предстоящих переговоров. Не исключено, что заседание было устроено с целью замаскировать отъезд Штреземана в Туари, дезинформировать прессу. Тем не менее, утром 17-го делегация заседала. За основу рассуждений было взято решение правительства, принятое накануне отъезда делегации в Женеву: речь шла о возможности выбора между общим урегулированием всех проблем франко-германских отношений либо, если такое урегулирование окажется неприемлемым, – постановкой и решением отдельных важных вопросов, в частности, об оккупированных зонах Рейнской области.

Что подразумевали немцы под «общим урегулированием»? Ход рассуждений, как позже, 20 сентября, докладывал об этом на заседании правительства статс-секретарь Пюндер, был следующим: «На выкуп Саарских рудников – с плебисцитом или без него – нужно соглашаться». С возвращением Саара встает проблема освобождения Рейнской области от оккупации[25], иначе, как говорил еще 22 августа в разговоре с Лабуле Штреземан, «Саар просто остался бы оккупированной территорией»[26]. И на совещании делегации в Женеве вопрос так и ставился: возвращение Саара должно повлечь за собой «общее прекращение оккупации». «Если Бриан в этом вопросе пойдет навстречу, – говорил Пюндер, – тогда нужно обсуждать известную проблему облигаций… Можно называть сумму

в 1,5 млрд. золотых марок, если вознаграждением будет не сокращение срока оккупации, а немедленная эвакуация»[27]. С такими напутствиями Штреземан отправился на встречу с А. Брианом.

Тут и начинался детектив. Многочисленные корреспонденты, прибывшие в Женеву для освещения приема Германии в Лигу наций, были в растерянности. Все пари, заключенные ими на огромные суммы о том, что место и время ожидаемой конфиденциальной встречи министров иностранных дел Франции и Германии − Аристида Бриана и Густава Штреземана станут им известны, были проиграны: министры исчезли!

С самими же политиками все происходило как в любимых французским министром полицейских романах: автомобили А. Бриана и Г. Штреземана разными путями направились к намеченному месту на берегу озера, преследуемые автомобилями вездесущей прессы. Через несколько километров министры вышли их своих машин, пересели в моторную лодку, оставив раздосадованных журналистов на берегу. Проплыв несколько кабельтовых, лодка причалила к берегу, затем автомобиль доставил, наконец, политиков в небольшую французскую деревушку Туари. Вместе с переводчиком, профессором Освальдом Эснаром они остановились в постоялом дворе супругов Леже, славившемся в округе своей кухней[28].

Деловой разговор[29], продолжавшийся с 13 часов до 17.30, начался с обмена комплиментами. Штреземан поздравил Бриана с успехом: ему удалось частично уравновесить вступление Германии в Лигу наций признанием за Польшей «права на переизбираемость при выборах в Совет по окончании ее мандата» непостоянного члена Совета. Бриан в ответ поздравил Штреземана с приемом Германии в Лигу наций, а затем сказал, что первым результатом присутствия Германии в Лиге могут стать ее предложения относительно франко-германских отношений, урегулирование которых возможно двумя методами: путем решения отдельных проблем, либо можно попытаться найти «общее решение всех проблем в рамках (Версальского) договора и предусмотренное договором». Далее Бриан заметил, что «вышеуказанное общее решение невозможно раньше урегулирования проблемы безопасности (то есть разоружения Германии. – *Н.Е.*) и оно тесно связано с урегулированием репараций»[30].

Очевидно, Штреземан хотел заставить Бриана высказаться по политическим проблемам, поэтому, как пишет Эснар, он «решительно ограничил поставленные проблемы», начав с финансовых предложений[31]. Поведав Бриану о том, на какое сильное сопротивление («почти неожи-

данное для меня», – говорит Штреземан) наталкивается в Германии идея мобилизации облигаций железных дорог посредством изменения условий функционирования плана Дауэса, Штреземан все же назвал сумму в 1,5 млрд. марок, на которую возможно было бы осуществить эту операцию. На что Бриан, улыбаясь, заметил, что «усилия ему кажутся незначительными». И лишь теперь Штреземан высказался яснее: «Речь пока шла только о частичном урегулировании, – говорит он. – Перспективы были бы другими, если бы рассматривался вопрос … об окончательной фиксации германского долга»[32]. Иными словами, Штреземан поставил вопрос о ревизии плана Дауэса. Развивая эту мысль, немецкий министр, наконец, высказал и свою заветную мечту: «Я предвижу ожесточенную борьбу в Берлине, если соглашусь на вашу комбинацию, – говорит он Бриану. – Соглашение на этой основе возможно, если речь идет не о сокращении срока оккупации, скажем на два года, а о выводе войск из обеих зон насколько возможно скорее, может быть, к 30 сентября 1927 года, после того, как наше соглашение будет окончательным»[33].

Другая сторона финансовой проблемы – о выкупе Саара – оказалась более простой для обсуждения. Стоимость рудников Саара немцы определяли в 300 млн. золотых марок. В целом возможную финансовую помощь Франции со стороны Германии Штреземан определял так: 300 млн. марок за Саар, плюс немедленная мобилизация обязательств по плану Дауэса, то есть размещение на международном денежном рынке облигаций железных дорог и промышленности, проценты с которых гарантировали поступления репарационных взносов на сумму в 1 500 млн. марок, из которых Франция могла претендовать на положенные ей 52 %, то есть на 750 млн. Таким образом, Франция смогла бы получить от соглашения с Германией несколько более 1 млрд. золотых марок[34].

Договорились, что после одобрения правительствами Франции и Германии проект финансового соглашения будет передан для изучения техническим экспертам. При этом Бриан настаивал на выполнении двух предварительных условий: привлечении к переговорам о плане Дауэса других заинтересованных стран-получателей репараций, что было вполне естественно; и урегулировании вопроса о безопасности. «Бриан заявил, – пишет в отчете о Туари Эснар,– что в любом случае переговоры могут начаться только после изучения и урегулирования вопроса безопасности. Здесь все зависит от доброй воли Германии»[35].

Из этого замечания А. Бриана логически вытекал вопрос о военном контроле за разоружением Германии. Штреземан, замечает Эснар, «осте-

регался уточнить, но было ясно, что он думает о том, что общее соглашение не должно провалиться из-за постоянного контроля. В настоящий момент главное – ускорить прекращение контроля в его современной форме». Бриан же вновь настаивал на том, что упразднение Межсоюзной комиссии военного контроля (МКВК) зависит именно от немцев, от выполнения ими «всех положений о разоружении, отмеченных комиссией», ибо не получено еще удовлетворения по пунктам, «которые особенно занимают французское общественное мнение и к которым оно особенно чувствительно»[36]. Бриан просил Штреземана проследить за выполнением всех требований МКВК, чтобы затем дать французскому представителю в Конференции послов инструкцию об отзыве комиссии. Это заявление Бриана отражало положение, сложившееся на переговорах между МКВК и представителями Германии: от немцев требовали ликвидировать отмеченные во время инспекции нарушения военных статей Версальского договора, прежде чем союзники отзовут контрольную комиссию.

Разумеется, здесь, в Туари, Бриан не обошел вниманием особенно беспокоившую его проблему – существующие в Германии многочисленные националистические военные и полувоенные организации, в частности, «Стальной шлем», незадолго до того издавший учебник с точной инструкцией по устройству тиров, походной службе, военном обучении и т.д., и о незаконной деятельности рейхсвера. Но, как настойчиво Бриан следил за деятельностью националистических союзов, так Штреземан упорно уходил от решения этого вопроса, прибегая к самым изощренным способам объяснения их популярности в Германии. Он, по-прежнему, утверждал, что эти союзы не опасны, что их существование – фактор психологический: участвуя в деятельности этих союзов, немцы стремятся уйти от «скуки и серости жизни», ибо «республика в Германии … застыла в своем черном рединготе; народу не хватает красок, радости, движения». Он привел и слова министра Рейхсвера Гесслера, будто бы объясняющие популярность этих союзов, о том, что-де старый солдат имел раньше три вещи – военную музыку, униформу, любовь женщин, и «Стальной шлем» дает это людям[37]. В своем дневнике Штреземан заметил, что это объяснение вполне удовлетворило Бриана, умиленного этим стремлением немцев «надеть на голову каску и представлять себя настоящим воином»[38]. Однако, если учесть постоянное внимание Бриана к этой проблеме, то следует скорее признать достоверным замечание Эснара, который пишет, что Бриан серьезно возражал против такого объяснения существования военных союзов[39]. Да и записи Штреземана говорят о другом. Цитирую-

щий неопубликованные материалы Штреземана американский историк Х. В. Гатцке пишет: Бриан ощущал беспокойство, ибо в конце беседы в Туари он вновь вернулся к этим вопросам: «Следите за вашим рейхсвером! У меня такое чувство, что рейхсвер делает всевозможные вещи, о которых вы ничего не знаете… Среди нерешенных проблем есть одна, которая особенно меня беспокоит – патриотические ассоциации»[40]. И ни о каком «умилении» речь нет.

Когда Штреземан заговорил о Рейнской области, Бриан перечислил все, уже сделанное здесь союзниками, отметив, что, по сути, выполнены все требования Штреземана, предъявленные в Локарно: эвакуирована зона Кёльна, смягчен оккупационный режим в оставшихся двух зонах, сняты ограничения периода Рурской оккупации, существенно сокращена численность оккупационных войск. Он подтвердил решение союзников о выводе еще 6 тысяч человек и о возвращении французами местному населению 22 % реквизированных оккупационными властями квартир. Штреземан, как обычно, пропустил положительную часть тирады Бриана, заметив, что освобожденные французами квартиры заняты были англичанами и бельгийцами, что нимало не облегчило положения местного населения. А затем заявил, что хотя он и считает, что мало вывести из Рейнской области 6 тысяч человек, он «отказывается требовать новой серии сокращения оккупационных войск, если Бриан допускает общую эвакуацию войск». И спрашивает тут же: «Будут ли эти 6 тысяч выведены до конца сентября?»[41]. Ни отчет Эснара, ни записи самого Штреземана не дают возможности судить о реакции Бриана на слова немецкого министра об «общей эвакуации». Есть лишь ответ на конкретный вопрос: Бриан подтвердил, что к концу сентября 6 тысяч солдат из Рейнской области будут выведены, что приказы по этому поводу уже отданы[42].

Что же все-таки давало повод Штреземану в дальнейшем утверждать, что Бриан согласился на эвакуацию Рейнской области? Несколько позже, когда «политика Туари» уже оказалась под сомнением, сам Штреземан дал невольно пояснения на этот счет. 9 ноября в беседе с французским послом де Маржери Штреземан говорил: «Бриан не протестовал, когда я сказал, что в случае благоприятного исхода наших переговоров, оккупированные территории могли бы быть освобождены до 30 сентября 1927 года». На что де Маржери ответил: «Если Бриан не протестовал, это еще не значит, что он был согласен с вами относительно срока». Штреземан возражал: «В Туари Бриан наверно имел впечатление, что названный срок достаточен»[43]. Очевидно, Штреземан в Туари молчание Бриана при-

нял за согласие, что бывало с ним нередко. Это состояние, когда Бриан не говорил ни «да», ни решительное «нет», французский историк Бо де Ломени назвал «полуобязательствами», которые немецкий министр толковал так, как было бы это благоприятно ему[44].

Помимо вопросов принципиально важных для развития франко-германских отношений, Штреземан, среди прочего, затронул волновавший его частный вопрос: он с беспокойством встретил возвращение к власти в июле 1926 г. противника политики франко-германского сближения Р. Пуанкаре. Насколько прочно правительство Пуанкаре? Как долго он продержится у власти? Это были вопросы, которые волновали Штреземана. «Принимая участие в стабилизации франка, я не хотел бы стабилизировать Пуанкаре», – говорит он. Бриан, отношения которого с Пуанкаре не отличались особой теплотой, пытался успокоить Штреземана, высказал предположение о недолговечности премьерства Р. Пуанкаре и иронично добавил: «Никто ведь и не подумает, что вы делаете уступки из любви к Пуанкаре. Впрочем, – добавляет он, – это забавная шутка мировой истории, что вступление в Лигу наций и франко-германское соглашение осуществляются как раз в то время, когда этот человек является премьер-министром»[45].

Завершая беседу, А. Бриан заметил, что в ожидании «более полного соглашения», которое возможно лишь после «устранения больших трудностей», оба правительства «должны стараться использовать всякую возможность, чтобы улучшить их отношения, например, соглашениями в экономической области». На это «Штреземан с готовностью согласился»[46].

В двух абзацах коммюнике, опубликованного по возвращении министров в Женеву, хоть и говорилось о «сердечности» атмосферы переговоров и о том, что оба министра «изыскали» средства для решения в интересах Франции и Германии и «в духе подписанных договоров» всех проблем франко-германских отношений, все же отмечалось, что Бриан и Штреземан возобновят свое сотрудничество лишь после одобрения правительствами «взглядов обоих министров» на проблему общего решения[47].

Сложность ситуации состояла в том, что в отличие от Штреземана, который обеспечил себе прочный тыл, получив одобрение и рекомендации правительства относительно возможного хода и результатов переговоров в Туари, у А. Бриана не только не было такого надежного тыла, но более того, ему предстояло встретиться с Р. Пуанкаре, который однажды уже отверг робкую попытку Бриана стать на путь соглашения с Германи-

ей, когда в 1922 г. в Канне дал согласие на созыв международной экономической конференции с участием Германии и Советской России.

В Париже действительно царило смятение. Первое же сообщение о «бегстве» министров, о завтраке в Туари вызвало тревогу в правых политических кругах. Нетерпение проявлял Раймон Пуанкаре, который, несомненно, был информирован о беседе министров и, как утверждает Ж. Онже, «дал знать Бриану, что он – не противник мобилизации облигаций Дауэса», но против уступок Германии, затрагивающих территориальные статьи Версальского договора[48]. Теперь же, как пишет в своих воспоминаниях Ж. Табуи, «он вызывает Бриана к телефону по несколько раз в день. Премьер-министр говорит Бриану: “Завтрак в Туари произвел плохое впечатление в правительственных и парламентских кругах Франции. Больше всего опасаются, чтобы вы не пошли на новые уступки Германии”»[49]. И как в 1922 г. из Канн, так теперь из Женевы Бриан спешит в Париж. Уже 18 сентября он беседует с прессой, 20 сентября отчитывается перед правительством, заседавшим под председательством президента республики Г. Думерга. Но вот что интересно: когда пресса неистовствовала, называя политику Бриана «прыжком в неизвестность», прибегала к неэстетическим образам, сравнивая ее с политикой «дохлой собаки, плывущей по течению»[50], высказывалась pro et contra франко-германского сближения, ни одно официальное сообщение о Туари не содержало конкретных сведений о встрече. Беседуя с парижскими журналистами, Бриан отказался что-либо сказать о Туари, «пока правительство не поставлено в известность». О заседании правительства 21 сентября агентство Гавас коротко сообщило: Бриан «довел до сведения правительства (информацию – *Н.Е.*) о ходе беседы с Штреземаном»; правительство единодушно признало, что переговоры представляют интерес и их полезно продолжить, что «на следующем заседании» министры приступят к рассмотрению технических проблем, которые могут встать на переговорах[51]. О сути доклада Бриана, о том, что министры «единодушно одобрили» – ни слова.

Штреземан, впервые окунувшись в атмосферу Лиги наций, не спешил покидать Женеву. Он много выступает перед различными слушателями. Во всех выступлениях он излагает свой «символ веры» – требование ревизии Версальского договора. 21 сентября, выступая в пивной Гамбринус перед немецкой колонией Женевы, он говорит о несовместимости оккупации «Рейнской области и Саара с новой ситуацией, созданной вступлением Германии в Лигу наций». В этом выступлении ясно

обозначена была мысль о том, что Туари является логическим продолжением Локарно. На следующий день в беседе с немецкими и иностранными журналистами он говорит: «В Женеве мы сделали большой шаг, так как отныне Франция и Германия не обсуждают более вопрос о большем или меньшем сокращении оккупационных войск, но о полной эвакуации Рейнской области и возвращении территории Саара Германии»[52].

Ж. Онже полагает, что в том, что из «большого проекта Туари не вышло ничего достойного внимания», виноват Штреземан, речи которого настораживали чрезмерными требованиями, а Бриан представал перед значительной частью общественного мнения Франции в не лучшем свете[53]. Отчасти Ж. Онже прав. О чем свидетельствовала немедленная реакция во Франции: 26 сентября, выступая в Сен-Жермен-ан-Ле, Р. Пуанкаре напоминает «об интегральной ответственности Германии за возникновение войны»; на следующий день в Бар-ле-Дюк он повторяет эту идею, но говорит и «о готовности к сближению со страной по ту сторону Рейна, если она предварительно и решительно представит доказательства своего материального и морального разоружения»[54]. Главной причиной несостоятельности «проекта Туари», даже в единственной части – финансовой – которая, казалось, вполне могла быть реализована, было положение во Франции. С возвращением к власти Р. Пуанкаре начался процесс финансового оздоровления. В результате проведения ряда финансовых декретов курс франка был стабилизирован уже в ноябре 1926 г. Исчез основной аргумент в пользу соглашения с Германией. В помощи Германии Франция более не нуждалась.

А тем временем между Брианом и Штреземаном уже стала развиваться своего рода дуэль через границы, в которой министры говорили на «разных языках». 23 ноября в рейхстаге в ответ на упреки депутатов в том, что беседа в Туари не оказала никакого влияния на вопрос эвакуации и другие вопросы, немецкий министр иностранных дел утверждал, что трудности не непреодолимы, «развитие международной политики остро поставило проблему оккупированных территорий». Далее он говорил, что «франко-германские отношения – основа консолидации Европы, и эта задача не может быть решена, пока не будет устранен барьер, созданный оккупацией»[55]. Для Бриана последняя неделя ноября была весьма напряженной: 23-го он отчитывается в иностранной комиссии палаты депутатов; 24-го – в сенатской комиссии по иностранным делам; 29–30 ноября – в палате депутатов при обсуждении бюджета МИД. Он утверждал, что Франция и Германия ведут переговоры в рамках существующих

договоров и «стремятся путем отдельных экономических и финансовых соглашений создать атмосферу умиротворения», что «эти переговоры не должны непременно привести к досрочной эвакуации Рейнской области». Он подчеркивал важность новой политики сближения с Германией, когда «прием в Женеве вернул ей место великой державы», возражал Штреземану, который в рейхстаге заявил, что великие задачи, рассмотренные в Туари, не могут быть решены, пока «стена, созданная оккупацией» не упадет. Бриан же утверждал, что «простая беседа не может изменить положения, существующего между Германией и Францией»[56]. Последняя фраза прозвучала как похоронный звон по надеждам Штреземана.

Таким образом, если стабилизация франка, сделав ненужной финансовую помощь со стороны Германии, устранила почву для соглашения в экономической области, то разногласия в политической сфере, существовавшие между Францией и Германией до Туари, не преодоленные в беседе Бриана и Штреземана с глазу на глаз, послужили причиной того, что Туари так и осталось «бесплодным деревом».

Не менее существенной причиной несостоятельности Туари было и резко отрицательное отношение к франко-германскому соглашению, как в экономической, так и в политической области, со стороны Англии и США. Министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, осведомленный о встрече Бриана и Штреземана, проявил настороженность: как бы Франция не получила больше причитающихся ей 52% германских платежей. Он заявил Штреземану, что «Англия должна быть принята во внимание»[57]. А после Туари английские банковские круги выступили против финансовой стороны франко-германского соглашения, о чем Штреземан говорил в беседе с советским полпредом в Берлине[58]. С другой стороны, в политических и деловых кругах проявился настоящий страх перед призраком франко-германского альянса, союза двух великих континентальных держав без участия Англии, а возможно и направленного против нее. Появлению этих настроений способствовали и лапидарность официальных французских сообщений о Туари и заседаниях правительства, и несдержанность выступлений Штреземана, и некоторые публикации во французской прессе. В своей статье в «Le Matin», например, Ж. Зауэрвейн писал: «Если бы альянс между Францией и Германией был осуществлен, его силу было бы трудно предугадать… Объединившись, обе страны создали бы новую систему равновесия в мире»[59].

Американцев волновала проблема размещения на денежном рынке Америки немецких облигаций. Советник посольства Германии в Вашингтоне Дикхоф сообщал в Берлин, что американские банковские и финансовые круги проявили недоверие к Туари, считая, что «Германия и Франция, в конце концов, хотят, чтобы счет оплатила Америка», что финансирование соглашения между ними в США считают возможным лишь при ратификации Францией соглашения о военных долгах США. А возможность политического сближения между Германией и Францией, по сообщению Дикхофа, была встречена в США с сомнением и скепсисом [60].

Итак, попытка быстрого и полного урегулирования проблем франко-германских отношений оказалась неудачной. Ожидания Штреземана оказались явно завышенными. Просвет, который появился в отношениях между Францией и Германией в результате приема последней в Лигу наций и беседы в Туари, обернулся новым тупиком и необходимостью новых поисков выхода из него.

Министрам иностранных дел Франции и Германии – А. Бриану и Г. Штреземану пришлось вернуться к прежнему способу общения, то есть к постепенному, пошаговому движению к сближению. Но показателем того, как изменилась Франция, может служить то обстоятельство, что в отличие от 1922 г., когда только за согласие на созыв международной экономической конференции с участием Германии и Советской России Бриан вынужден был покинуть пост главы Кэ д'Орсэ, теперь он не только не получил отставку, но в определенной степени можно говорить, что его поддержал главный противник политики сближения Р. Пуанкаре. Примечательно, что идея связать проблемы репараций и эвакуации Рейнской области вновь возникнет в 1928 г., когда Г. Штреземан прибудет в Париж для подписания пакта Бриана-Келлога. Именно Раймон Пуанкаре возродил сформулированную в 1925 г. А. Брианом триаду – репарации, военные долги, эвакуация. В разговоре с Г. Штреземаном 27 августа 1928 г. Р. Пуанкаре говорил: «Конечно, оккупация не имеет ничего общего ни с Локарно, ни с пактом Келлога. Она скорее является гарантией репараций и, следовательно, этот вопрос может быть урегулирован только одновременно с вопросом о репарациях и долгах. Маловероятно, чтобы проблема оккупации могла бы быть решена отдельно»[61]. Задача урегулирования всех проблем, осложнявших отношения между двумя соседними странами, вновь заставляла политиков искать способы их решения в условиях

быстро меняющейся во второй половине 1920-х годов международной обстановки.

---

[1]*Stresemann* G. Les papiers. Six années de politique allemande. Vol. 2. Paris, 1932. P. 292.

[2]*Vallentin A*. Stresemann. Paris, 1931. P. 154 – 155.

[3]*Unger G.* Aristide Briand. Paris, 2005. P. 518.

[4]Профессор О. Эснар искренне считал возможным вывести франко-германские отношения из состояния конфронтации в результате переговоров или контролируемых уступок. Эснар был рядом с А. Брианом на всех крупных международных конференциях, сессиях Совета Лиги наций, обеспечивал конфиденциальные связи между Брианом и Штреземаном, сыграл значительную роль в подготовке беседы министров в Туари. – См. об этом: *Bariéty J*. Le professeur Oswald Hesnar, collaborateur de Briand // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe. 1919 – 1932. Paris, 2007. P. 436–437.

[5]См. об этом: *Stresemann G*. Op. cit. P. 292.

[6]Ibidem.

[7]Temps. 1926. 10 février.

[8]Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918 – 1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amt. Serie B. 1925–1933. Bd. 1,1. Göttingen, 1966. S. 72.

[9]Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Vol. 128. Session ordinaire de 1926. T. 1. P. 1. Paris, 1927. P. 903, 1001.

[10]Цит. по: *Stresemann G.* Op. cit. P. 321.

[11]Ibidem.

[12]Цит. по: Ibidem. P. 303.

[13]bidem. P. 303 – 304.

[14]Ibidem. P. 313–315; Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie B. Bd. 1,2. S. 16–18.

[15]*Suarez G.* Briand. Sa vie – son œuvre avec son journal et de nombreux documents inédits. Vol. 1–6. Paris, 1938 – 1952. Vol. 6. L'artisan de la paix. 1923–1932. P. 205– 206.

[16]См. запись беседы Штреземана с Лабуле: *Stresemann G.* Op. cit. P. 317; Akten… Bd. 1,2. S. 110.

[17]См.: *Stresemann G.* Op. cit. P. 318; Akten…Bd. 1,2. S. 110.

[18]*Stresemann G*. Op. cit. P. 321; Akten… Bd. 1,2. S. 113.

[19]*Stresemann G*. Op. cit. P. 322; Akten… Bd. 1,2. S. 113.

[20]*Stresemann G*. Op. cit. P. 322 – 323; Akten… Bd. 1,2. S. 114.

[21]Akten… Bd. 1,2. S. 114 – 115.

[22]См. письмо Эснара в приложении к письму Штреземана от 5 августа: Ibidem. S. 19.

[23]Le Temps. 1926. 10 août.

[24]Le Temps. 1926. 16 septembre.

[25]Akten…Bd. 1,2. S. 221, 222.

[26]*Stresemann G.* Op. cit. P. 322 – 323.

[27]Akten… Bd. 1,2. S. 222.

[28]О том, как Бриан и Штреземан добирались в Туари см.: *Unger G.* Op. cit. P. 517–518.

[29]Беседа в Туари реконструирована на основе тщательного сопоставления нескольких документов: дневниковых записей Г. Штреземана; отчета о Туари от 20 сентября, составленного Штреземаном; справки, написанной под диктовку Штреземана его секретарем вечером 17 сентября; двух отчетов, составленных профессором Эснаром. Отчеты Эснара, по свидетельству Ж. Сюареза, хранятся в личном архиве А. Бриана в Кошреле.

[30]Цит. по: *Suarez G*. Op. cit. P. 218.

[31]См.: Ibidem. P. 219.

[32]См.: *Suarez G.* Op. cit. P. 219 – 220; *Stresemann G*. Les papiers. Vol. 3. P. 3; Akten… S.203.

[33]Akten… S. 203.

[34]Ibidem. S. 204.

[35]Цит. по: *Suarez G.* Op. cit. P. 220.

[36]Ibidem. P. 222.

[37]См.: Akten… S. 189, 205; *Stresemann G*. Op. cit. P. 6-7.

[38]*Stresemann G.* Op. cit. P. 7.

[39]См.: *Suarez G.* Op. cit. P. 224 – 225.

[40]*Gatzke H*.W. France and the rearmament of Germany. Baltimore, 1954. P. 57 – 58.

[41]Akten…S. 207 – 208.

[42]Ibidem. S. 208; *Stresemann G*. Op. cit. P. 9.

[43]*Stresemann G*. Op. cit. P. 43.

[44]*Beau de Loménie E*. Les responsabilités des dynasties bourgeoises. Paris, 1963. P. 315.

[45]Akten… S. 208, 224.

[46]Цит. по*: Suarez G*. Op. cit. P. 226.

[47] См.: Le Temps. 1926. 18 septembre.

[48]Цит. по*: Unger G.* Op. cit. P. 519.

[49]*Табуи Ж*. Двадцать лет дипломатической борьбы / Перев. с франц. М., 1960. С. 81.

[50]L'Avenir. 1926. 19 septembre.

[51]Le Temps. 1926. 22 septembre.

[52]*Stresemann G*. Op. cit. P. 17, 18 – 19.

[53]См.: *Unger G.* Op. cit. P. 522.

[54]Цит. по: Ibidem.

[55]См.: *Stresemann G*. Op. cit. P. 48, 51, 52.

[56]Цит. по: Le Temps. 1926. 24, 25 novembre, 2 décembre.

[57]См.: Akten… S. 181, 276.

[58]См.: История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 465.

[59]Le Matin. 1926. 19 septembre.

[60]Цит. по: Akten… S. 274, 275, 300–301.

[61]Цит. по: *Stresemann G.* Op. cit. Vol. 3. P.274.